

«АЙ ДА ПУШКИН!»

Опыт пристрастного прочтения

Трагедия «Борис Годунов» увлекла меня давно, в 1966 году. Тогда, учась в институте, я взял для самостоятельной работы в качестве начинающего режиссёра сцену в келье Чудова монастыря, выбрав её потому, что в ней действуют всего два персонажа: монах-летописец и будущий лжецарь. В диалогах и монологе летописца скрыта, как мне тогда виделось, основная мысль произведения. Так началось погружение в таинственные и по сей день не познанные мною до конца глубины гениального драматического произведения. Чисто школярская задача обернулась необходимостью расшифровки смыслов, заложенных в тексте. Это потребовало изучения первоисточников. В первую голову — многотомного исследования истории Государства Российского, которое провёл Николай Михайлович Карамзин, писатель, историк, старший друг и наставник, чьей драгоценной памяти посвятил Пушкин своё творение.

Институтской библиотеки оказалось мало. Отправился в Государственную историческую библиотеку. Тогда никаких поисковиков в интернете не было, как и самой инфопаутины. Поэтому сначала пришлось определить круг поисков, а следом — выдвигать бесчисленные ящики в зале каталогов и перебирать библиографические карточки одну за другой. Затем выписывать нужные книги и ждать, когда любезные библиотекари доставят требуемое из скрытых от общего взора хранилищ. Ходил в Кремль. Чудова монастыря нет: снесён большевиками. Но колокольня Ивана Великого возвышается. Успенский собор, место молитв и коронационных торжеств русских царей, стоит — заходи и ощути величие Державы Российской. Здесь же место упокоения святого мученика — царевича Димитрия, чья трагическая кончина послужила своеобразной предпосылкой к тем бедам, что обрушились на страну. Чем больше читал, чем более вчитывался, стараясь понять Пушкина, тем яснее ощущал всю меру неохватности того, что скрыто в строках трагедии, написанной безупречным, как бы летящим белым стихом.

«Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечёл её вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да

сукин сын!», — так сам Александр Сергеевич писал в письме своему другу, князю Петру Вяземскому, из Михайловского, где пребывал в ссылке.

Итак, трагедия завершена, автор счастлив, как счастлив всякий человек, успешно завершивший труды и понимающий, что проделаны они не напрасно.

Мои труды также были не напрасны. Сцена, как мне казалось тогда, гениально срежиссирована, талантливо сыграна, и свои пять баллов за усилия и усердие я получил так же, как и мои одноклассники — исполнители ролей Пимена-летописца и чернеца Гришки Отрепьева. Можно бы и вернуть пьесу на дальнюю полку памяти во второй ряд и забыть. А не забывается...

«Борис Годунов» завершён летом 1825 года. Поэт сослан в деревню. На троне царь, про которого Пушкин с нескрываемой брезгливостью напишет: «...плешивый щёголь, враг труда, нечаянно пригретый славой». Понятно, что никаких добрых чувств по отношению к Властвующему он не испытывает, несмотря на столбовое своё дворянство. Но почему, почему Пушкин берётся за тему событий начала 17 века? Тогда Россию сотрясла до самого основания Смута, приведшая к смене правящей династии Рюриковичей на Романовых, подтолкнувшая к разрушению государства, захвату самого сердца Родины — Московского Кремля — иноземными оккупантами, вечными врагами ещё со времён Ярослава Мудрого.

Попробуем в поисках ответа на наше «почему» вдуматься в происходившее тогда с самим Пушкиным. В Михайловское он попал напрямик из ссылки на юг. Кишинёв, Одесса, путешествие в Крым. Бурное море, бурные любовные страсти, участие в борьбе с эпидемией, не менее бурная работа над стихами. А ещё? А ещё близкое знакомство с «вольными каменщиками». Там поэт становится масоном в ложе «Овидий». Там дружит и ведёт доверительные беседы с князем Сергеем Волконским. Между прочим, князем Рюриковой крови. Кстати, в недалёком будущем — активным участником восстания декабристов. Случайно ли обращение к теме династического первородства в начальной сцене «Бориса»?

Воротынский:

— Ведь Шуйский, Воротынский...

Легко сказать, природные князья.

Шуйский:

— Природные, и Рюриковой крови.

(!!!)

Доподлинно не известно, о чём разговаривали друзья-приятели тогда в Кишинёве. По вполне понятным причинам никаких письменных свидетельств не сохранилось. Но, думаю, не только о прелестях молдавских барышень и юных гречанок. Пушкин был осведомлён и разделял тогда взгляды будущих бунтовщиков: «Самовластительный злодей! // Тебя, твой трон я ненавижу, // Твою погибель, смерть детей // С жестокой радостью вижу». Это почти дословное воспроизведение наиболее радикальных воззрений тех, кого вскоре арестуют, отправят в Сибирь, а пятерых главарей и вдохновителей казнят через повешение. Как известно, заговорщики-декабристы не воспринимали курчавого повесу-стихотворца всерьёз. Членом Тайного общества он не стал. Но, по словам Пушкина, в 1826 году во время аудиенции признался царю в том, что (будь он в столице) вышел бы на Сенатскую площадь.

Да! Поэт не был в числе заговорщиков. Но он был Мыслителем, что очевидно явствует из его размышлений о причинах, породивших Смутное Время. С самых первых строк прочтения убеждаемся в этом.

Воротынский:

— Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский:

— Чем кончится? Узнать не мудрено:

Народ ещё повоюет да поплачет,

Борис ещё поморщится немного,

Что пьяница пред чаркою вина,

И наконец, по милости своей

Принять венец смиренно согласится.

Циник и властолюбец Василий Шуйский, который умудрится на короткое время стать русским царём и сгинуть в польском плену, чьими устами воспользовался поэт, коротко и почти афористично раскрывает основное направление пушкинских размышлений о природе отношений Власти и Народа в России. Продолжая размышления, Пушкин ведёт читателя на поле пред Новодевичьим монастырём, где собрался народ, ожидая решения Бориса Годунова. Он вкладывает свои мысли в слова простолюдинов, для которых происходящее является чем-то похожим на теперешнее телешоу.

Один:

— Все плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Другой:

— Я силось, брат,

Да не могу.

Первый:

— Я также. Нет ли луку?

Потрём глаза.

Второй:

— Нет, я слюной помажу.

Пред нами прямо-таки результаты опросов общественного мнения накануне очередных выборов, на которых их участники в лучшем случае «ищут лук», дабы глаза потереть, а то и вовсе не являются на избирательные участки. Можно, конечно, всё объяснить игрою поэтического воображения молодого, двадцатипятилетнего повесы, озабоченного только пополнением своего «донжуанского» списка. Но пред нами предстаёт мыслитель, рассуждающий на ГЛОБАЛЬНЫЕ темы. И это неслучайно. Пушкин получил прекрасное образование в Царскосельском лицее. Не стоит обманываться его не самыми лучшими оценками на фоне «отличников». Гений бежит школярства. Говоря его же словами, «он оглушён был шумом внутренней тревоги». Разумеется, он не Евгений из поэмы «Медный всадник», и его внутренний мир — это мир не безумца бедного. Но совершенно очевидно: его знание — это Всезнание Гения. Иначе откуда в его «Борисе» то, что мы сегодня относим к науке, в его время не существовавшей, — к политологии.

Пушкин — политолог? Вы не верите? Но вернёмся к монологу затворника из Чудова монастыря. Он видел двор и роскошь царя Иоанна, он видел и царя, приходившего в монастырь иноком смиренным, кающимся грешником. В монологе летописца, обращённом к Гришке Отрепьеву, дана исчерпывающе всеохватная картина и анализ царствования Иоанна Грозного. Но, как водится, молодые соискатели славы и власти, подобно самозванцу Отрепьеву, менее всего склонны вслушиваться в поучения старцев, увенчанных сединами. А знания о делах минувших волнуют их постольку-поскольку, но вполне подходят для осуществления задуманного.

Григорий:

— Борис, Борис! Всё пред тобой трепещет,

Никто тебе не смеет и напомнить

О жребии несчастного младенца, —

А между тем...

Тем более, несущественны история и будущее Руси для многих её обитателей, как для двоих забулдыг, прикидывающихся странствующими монахами, собирающими подаяния якобы на церковные нужды. Им всё равно, где и с кем бражничать: в Москве ли, на литовской ли границе.

Варлаам:

— Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли:

Всё нам равно, было бы вино... Да вот и оно!

Вне сомнения, Пушкин, несмотря на его «Гавриилиаду» и некоторые другие произведения «лёгкого» жанра, был человеком глубоко верующим. Грешащим, сомневающимся, но верующим во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли. Он успешно в лицейские годы изучал Закон Божий, о чём свидетельствуют его оценки. Увлечение масонством не поколебало самых основ его души... Оценку деяний царя Бориса он ведёт с базовых православных позиций. Юродивый — по тем временам почти святой — на паперти собора в ответ на просьбу царя молиться за него отвечает смело и во всеуслышание:

— Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит!

Царь, несомненно, праведен в своих размышлениях о роли монарха, властителя огромной страны. Вот он, умирая, поучает сына:

— Не изменяй теченья дел. Привычка —

Душа держав. Я ныне должен был

Восстановить опалы, казни — можешь

Их отменить; тебя благословят...

Будь милостив, доступен к иноземцам,

Доверчиво их службу принимай.

Со строгостью храни устав церковный...

Храни, храни святую чистоту

Невинности и гордую стыдливость...

Непременным условием устойчивости власти, а, следовательно, целостности государства Пушкин считает нравственную чистоту, безгрешность правителя. Бориса, по версии Карамзина, убивает известие о том, что погибший царевич как бы воскрес. Тяжёлые переживания, гипертонический криз. Сегодня врачи поставили бы диагноз: инфаркт. Переживания, нечистая совесть... Потому-то и становится смертельно неподъёмной шапка Мономаха.

Убит законный будущий царь — представитель многовековой династии Рюриковичей. Пушкин следует версии, которую озвучил Карамзин. Но неизбежные аллюзии тут как тут; у всех в России ещё свежи в памяти обстоятельства свержения и убийства царя Петра Третьего — мужа Екатерины Великой. И последовавшей затем пугачёвщины под предводительством якобы чудесно спасшегося императора, чьё имя принял на себя самозванец. Дальше — больше: царствующий на момент написания «Бориса Годунова» император Александр Первый — тот самый плешивый щёголь — принимал непосредственное участие в организации заговора против своего отца. Об этом не писали в тогдашних газетах, а блогеры ещё не завелись в России, но земля, как говорится, слухом полнится. Нравственное падение, аморализм власти во многом сподвигли молодых офицеров, дошедших до Парижа, напитавшихся вольтерьянством, но не умевших, да и не хотевших думать о народе и говорить с русскими мужиками, одетыми в солдатские мундиры, на родном языке, взяться под французское же шампанское плести заговорщицкие сети. Многие из них были, по тогдашним меркам, олигархами, владевшими тысячами крепостных душ. Говорили о народе, не зная и не понимая его. Мечтали о свободе, но лишь для себя. Для них, являвшихся масонами, неприемлема была сама идея самодержавного строя. А кое-кто — и таких было немало — помнили о своей «рюриковой» крови. Свой вывод о причинах поражения Годунова драматург и политолог Александр Пушкин вкладывает в уста своего предка, изменника и сторонника Лжедмитрия Афанасия Пушкина, склоняющего к измене царского воеводу:

— Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только сёла грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;
Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением; да! МНЕНИЕМ НАРОДНЫМ (выделение наше).

Поражающее современное истолкование политических процессов, выходящее далеко за пределы, очерченные Н.М. Карамзиным. Тут буквально один шаг до понятия «рейтинг власти».

В письме к философу и гусару Петру Чаадаеву Пушкин писал о ситуации в стране:

«Отсутствует общественное мнение и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине, циничное презрение к мысли и достоинству человека».

Это он о чём? О ком? О каком периоде жизни нашего богоспасаемого Отечества? Пушкин совсем не походил на человека, заносящего на бумагу гусиным пером в приступе вдохновенного умопомешательства, что бог на душу положит.

В письме к Петру Вяземскому о пьесе:

«Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Новый император Николай Первый пьесу прочёл. С Пушкиным милостиво беседовал. Счёл его умнейшим человеком. Но, по-видимому, торчавшие уши заметил. Потому драму «Борис Годунов» поэту устами Бенкердорфа разрешили напечатать «под его собственной ответственностью» только 28 апреля 1830 года. Издание вышло в свет в конце декабря 1830 года, но с датой 1831. А сценическое воплощение пьесы получила лишь несколько десятилетий спустя, уже при другом императоре.

Разумеется, само понятие «политология» — детище 20 века. Политолог ли Пушкин? Политик ли? Поэт понимал, что вступление в тайные общества, политические партии и т. п. — верный путь к зависимости от кого-то либо от неких обязательств и обстоятельств. В дневнике своём 10.05.1834 он записал: «Я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного».

Так что же написал Пушкин в Михайловском своём уединении, выводя и зачёркивая строки в рукописи «Бориса Годунова»? Размышляя о природе драматического искусства, он писал:

«Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия. Драма представляет ему необыкновенное, странное происшествие. Народ требует сильных ощущений, для него и казни — зрелище. Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством».

«Борис Годунов» абсолютно соответствует этим канонам, хотя трудно отделаться от мысли, что сочинялась сия ПИЕСА для изложения политологических изысканий Александра Сергеевича.

Он не был политологом.

Но он — ПУШКИН...